

Политическая власть

Алексей Величко

Алексей Михайлович Величко

Политическая власть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68961435

SelfPub; 2023

Аннотация

Рассуждение о природе политической власти, а попытка автора ответить на глобальные вопросы: почему миллионы готовы подчиниться воле одного? В чем феномен власти? И когда наступает та черта, за которой и власть становится бессильной?

Содержание

I	7
II	12
III	15
IV	20
V	24
VI	32
VII	40
VIII	45

Алексей Величко

Политическая власть

«Власть дается для обеспечения процветания государства, и никак иначе»

Долеман Р (Парсонс Роберт)¹

«Добродетель гражданина, заключается в способности прекрасно и властвовать, и подчиняться».

Аристотель²

«Там, где никто не подчиняется, никто и не властвует»

С.А. Котляревский³.

Кто станет отрицать, что «тайна власти, тайна подчинения людей носителям власти до сих пор не вполне разгадана»? Уже не одно тысячелетие человека мучают вопросы: «*Почему* огромное количество людей, на стороне которых есть преобладание физической силы, согласны подчиняться одному человеку или небольшой группе людей, если они носи-

¹ Долеман Р. (Парсонс Роберт). Рассуждение о наследовании Английского престола. 1594. М., 2013. С. 113.

² Аристотель. Политика. Книга III, глава II, 7. 1277a//Аристотель. Сочинения. В 4 т. Т.4.М., 1983. С.451.

³ Котляревский С.А. Власть и право. Проблемы правового государства. М., 1915. С.12.

тели власти?»⁴. *Что* такое общественная власть и как она вообще возможна?⁵. Увы, при невероятном разнообразии различных умственных течений ни одна научная теория так и не смогла полноценно объяснить, *откуда* возникает руководящая государством воля и как образуется власть, соединяющая общество воедино?⁶

Общеизвестно, что в социальной среде власть проявляется многообразно: мы знаем власть мужа над женой и детьми (власть «отца семейства»), начальника над подчиненным, господина над рабом, победителя над побежденным, сильного над слабым, богатого над бедным и т. п. Но свой апогей она находит во *власти политической*, верховной в государстве. Исключительно она покрывает собой не только членов семьи, работников коммерческого предприятия, жителей разных городов и областей и т. п., а *всех* без исключения людей данного конкретного общества и даже за его границами.

Было бы наивным полагать, будто одна-единственная статья разом озарит светом истины столь глобальные проблемы, раскроет природу политической власти. Но, как известно, в истории человеческой мысли часто постановка вопроса ока-

⁴ Бердяев Н.А. Царство духа и царство кесаря//Бердяев Н.А. Царство духа и царство кесаря. М., 1995. С.315.

⁵ Франк С.Л. Проблема власти (социально-психологический этюд)//Франк С.Л. Полное собрание сочинений. Т.2. М., 2019. С.251.

⁶ Еллинек Георг. Общее учение о государстве. СПб., 1908. С.121.

зывается важнее, чем ответы на него. «Как мало проблем, решенных окончательно и бесповоротно! Как мало готовых истин, о коих мы с уверенностью полагаем, что они останутся неизменными»⁷.

Не забывая этого мудрого предостережения, начнем свое исследование...

⁷ Котляревский С.А. Власть и право. Проблемы правового государства. С.3.

I

Какое свойство, как считается, наиболее ярко характеризует природу власти в целом? Традиционный ответ известен: «Власть есть воля, имеющая право повелевать»⁸. Те же свойства обнаруживают в природе и политической власти, которая обладает способностью принуждать всех к безусловному исполнению своей воли, а кроме того *самодостаточна*⁹. Значение ее столь велико, что именно с ней многие правоведы накрепко связывают понятие «суверенитет государства»¹⁰, что, в общем-то, логично и последовательно. Государственная власть потому и называется «верховой», что выше ее в данном обществе никакой другой нет и быть не может. Она независима извне и верховная внутри, не ограничена, может воздействовать на волю подвластных настолько, насколько это физически допустимо, и неделима¹¹.

В целом власть политическую понимают, как *волевое принуждение*, направленное на создание того, что служит обще-

⁸ Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. В 3 т. Т.1. М., 1894. С.6.

⁹ Еллинек Георг. Общее учение о государстве. С.130.

¹⁰ Дюги Леон. Конституционное право. Общая теория государства. М., 1908. С.156.

¹¹ Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. В 4 выпусках. Выпуск 1. М., 1911. С.214, 215, 217, 220.

му благу, т. е. *справедливости*¹². И ради достижения этой высокой цели – «социализации народного характера, приспособления его к разумному общежитию» под эгидой единого для всех закона¹³, за политической властью признается право применять силу и даже *насилие* по отношению ко всем, кто стоит у нее на пути. Проще выражаясь, в известной степени (а иногда и *значительно*) ограничивать свободу индивида. Волевой и принудительный (силовой) характер политической власти стали своего рода аксиоматическим набором качеств, охотно признаваемым практически всеми исследователями.

Так, для Платона (424–347 до Р.Х.) власть – это синоним *подчинения*: отцовской и материнской власти, неблагородных лиц – благородным, младших – старшим, рабов – господам, неразумных – разумному, всех людей – богам¹⁴.

По Г.В.Ф. Гегелю (1770–1831), власть есть *воля*, подчиняющая себе через право¹⁵.

С ними солидарны носители не менее громких в правоведении имен: «Власть есть сила и притом волевая *сила*, а по видовому отличию своему она является *правовой силой*. Это выражается в том, что она есть способность к воздействию

¹² Аристотель. Политика. Книга III, глава VII, 1. 1282b. С.450.

¹³ Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. В 2 т. Т.2. СПб., 1910. С.690.

¹⁴ Платон. Законы. В 12 книгах. Книга 3. 690 а, b, с// Платон. Сочинения. В 3 т. Т.2. Часть 2. М., 1972. С.160, 161.

¹⁵ Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С.393.

и влиянию»¹⁶.

Приводят и такой довод, должный подтвердить предыдущее определение: «Что такое политическая власть? Если взять это понятие строго реалистически, без всякой метафизики, то оно сводится к тому, что на определенной территории одни люди приказывают, запрещают и разрешают, а другие более или менее беспрекословно им повинуются»¹⁷.

Свойство власти *подчинять* себе человека подчеркивается и в следующем утверждении: «Не так трудно представить себе государство, чрезвычайно отличное от нашего настоящего и прошлого о нем опыта, но нельзя мыслить его без властвования и подчинения»¹⁸.

Французский правовед Леон Дюги (1859–1928) доказывал, что власть принуждения составляет *обязательное* условие, которому должна удовлетворять всякая властвующая группа людей. Конечно, оговаривался он, само по себе принуждение не образует политической власти. Однако без нее никакая власть таковой считаться не может¹⁹.

Для известного русского канониста Н.А. Заозерского (1851–1919) понятием «власть» также обозначается способность действовать посредством права, при этом все гражда-

¹⁶ Ильин И.А. О сущности правосознания//Ильин И.А. Собрание сочинений. Т.4. М.,1994. С.293.

¹⁷ Спекторский Е.В. Христианство и культура. М., 2013. С.278.

¹⁸ Котляревский С.А. Власть и право. Проблемы правового государства. С.11.

¹⁹ Дюги Леон. Конституционное право. Общая теория государства. М., 1908. С.367.

не обязаны беспрекословно повиноваться властителям под страхом ответственности за непослушание²⁰.

Эти и аналогичные формулировки кажутся столь естественными, что их некогда охотно использовал в своих работах и автор данных строк, забывая, что самое очевидное еще не есть истинное.

Безусловно, достижение общего блага невозможно без изъятия у индивида его свободы, пусть даже и потенциально-гипотетической, в действительности у него отсутствующей, и навязывания ему политической властью общих правил поведения и действия. Собственно говоря, такое навязывание и есть проявление воли, силы и принуждения. Но оно совершенно неизбежно: любой закон, принимаемый политической властью, носит общий характер, формален, рассчитан на «среднего» человека, являет собой в известной степени «прокрустово ложе», отсекающее все «лишнее», пусть даже оно принадлежит к выдающимся явлениям. *Общий мир и общая правда* «для всех» важнее частного интереса, пусть даже за ним стоит гений и талант. Так было, есть и будет всегда, меняются лишь *способы* принуждения, применяемые политической властью, и границы ограничений, налагаемых ею на индивида.

Казалось бы, эти жертвы не напрасны, поскольку лишь при обеспеченном властью правопорядке человек только и может существовать мирно и безопасно, развиваясь как

²⁰ Заозерский Н. О церковной власти. Сергиев Посад, 1894. С.1.

личность. Однако, как многократно демонстрирует история, власть политическая нередко хладнокровно преследует собственные интересы в ущерб общественным, принимая *деспотические* черты. Не удивительно поэтому, что часто она наделяется самыми мрачными характеристиками «душителя свободы». Как минимум, некоторые осторожные умы ставят под сомнение приписываемые власти благодеяния, ради которых ее приходится терпеть. А известный современный политолог (разумеется, не он один) без обиняков определяет политическую власть, как силу *чуждую* обществу²¹.

Еще более мрачный характер имеет следующая классическая эпитафия: «Власть возникла против воли Бога. От Бога происходит лишь свобода, а не власть. Бесспорно, начало власти связано с существованием зла. Власть принуждена бороться с проявлениями зла, в этом ее функция. Но она сама сеет зло и бывает источником зла. *Всякая власть*, открыто и прикрито, заключает в себе яд»²².

Но разнятся не только оценки политической власти. При здравом размышлении такие ее «общепризнанные» свойства, как сила, воля и принуждение, на поверку выглядят не столь очевидными, как кажется на первый взгляд.

²¹ Джессон Боб. Государство: прошлое, настоящее и будущее. М., 2019. С.192.

²² Бердяев Н.А. Царство духа и царство кесаря. С.313, 314, 316, 317.

II

Употребляя выражения «воля», «сила», «власть», «право», «государство», мы должны отдавать себе отчет в том, что перед нами не столько (или не только) юридические, политические или социологические понятия, но психологические, а также философские – в зависимости от контекста, в котором они употребляются. Поэтому их рассмотрение в совокупности должно удовлетворять конкретной методе: соединять право в юридическом, позитивном смысле в одном суждении с силой, как психическим явлением – тоже самое, как смешивать горячее и соленое. Но именно это зачастую происходит в научной литературе, этот же подход прочно закрепился и в обыденном сознании, что приводит к весьма сомнительным выводам. Приведем рядовой пример.

Как известно, с политической властью органично связаны понятия «правовая деятельность», «законодательное регулирование» – иначе чем государство отличается от иного общественного союза?! И, как издавна принято утверждать, тем-то закон (право) и отличается от нравственности, что последняя обращена к нашей личной воле и исполнение ее правил всецело отдано на откуп нашему осознанному выбору²³.

Напротив, право (закон), как говорят, по самой своей при-

²³ Чичерин Б.Н. *Философия права*//Чичерин Б.Н. *Философия права*. СПб., 1998. С.145.

роде имеет свойство *принуждения, силы*. Именно по той причине, что исходит от политической власти, которая в существе своем сама есть принуждение. И ей все равно, вследствие *каких* мотивов человек подчинится закону – из опасения наказания или исходя из высших побуждений. Главное, чтобы гражданин исполнил закон, *подчинился власти*, этот закон принявшей.

Однако это на первый взгляд очевидное различие таит в себе множество вопросов и «но». В одной из незаслуженно забытых потомками работ И.А. Ильина (1883–1954), тогда еще совсем молодого правоведа, справедливо обращается внимание на то, что в самой постановке вопроса: «Есть ли право – сила?» таится методологическая ошибка, поскольку здесь явления разного рода искусственно уравниваются между собой. «Нельзя сказать, «право есть сила» или «право не есть сила», т. к. оба ответа можно понять в смысле реального совпадения или несовпадения обоих моментов».

Ильин обоснованно утверждал, что право, как норма или теоретическое суждение, и право, как сила, – суть понятия, лежащие в *методологически-индифферентных* рядах. Как следствие, «все конструкции правовых понятий, которые вносят в юридические определения момент силы – сливают два методологически-индифферентных ряда и должны быть признаны неюридическими». Право может рассматриваться как сила, но может рассматриваться и в таком понимании, которое не допускает его сближения с силой. Праву

присущи все признаки силы в *реальном* правосознании; праву не присущ *ни один* из признаков силы в «юридическом» правопонимании, т. е. нормативном²⁴.

Очевидно, различие права и нравственности по наличию принуждения, силы в одном и отсутствию их в другом явлении, *ошибочно* по самой своей сути. И право бывает «не принудительным» (например, декларативные нормы, нормы «мертвого права»), и нравственные правила зачастую принуждают человека силой общественного мнения сильнее, чем всякий закон, пугающий ослушника грозной санкцией за неисполнение²⁵.

Следовательно, все свидетельствует о том, что их никак невозможно отнести к различным сферам социального бытия, но, напротив, позволяет обоснованно предположить *онтологическое единство* права и нравственности. Разве чувство долга у морально состоявшегося лица не сопутствует исполнению им в равной мере и юридической нормы, и нравственного требования?²⁶ И, наоборот: «Атрибутивное сознание правового долга, оказывает более сильное давление на поведение, нежели сознание чисто нравственного, без права для другого, долга»²⁷.

²⁴ Ильин И.А. Понятие права и силы//Вопросы философии и психологии. Книга 101 (1). М., 1910. С.18, 19, 23, 37.

²⁵ Трубецкой Е.Н. Лекции по энциклопедии права. М., 1917. С.31, 32.

²⁶ Тарановский Ф.В. Энциклопедия права. СПб., 2001. С.120.

²⁷ Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Т.1. СПб., 1909. С.144.

III

Тоже самое следует сказать и по отношению к власти, природа которой, как уже говорилось, обычно сводится к воле, силе и принуждению. Однако, отрешаясь от классических формулировок, блестящий русский правовед Н.М. Коркунов (1853–1904) некогда отмечал, что хотя власть и характеризуется как сила, данное свойство обусловлено не столько волей властвующего, сколько сознанием *зависимости подвластного*²⁸. Вслед за ним блестящий цивилист, звезда российского правоведения Г.Ф. Шершеневич (1863–1912), также настаивал на том, что неправильно представлять себе политическую власть, как волю. Ведь сама по себе воля еще не власть, воля вполне даже может оказаться и *бессильной*²⁹.

Действительно, что такое – воля, которой придается столь много значения? По вполне очевидному определению, она представляет собой осуществление стремлений, всякое *действие*, имеющее целевой характер. «Под волей разумеется способность нашего духа устанавливать по своему собственному хотению и усмотрению ряд деяний, независимо от необходимой связи причин и действий»³⁰. В свете сказанного не так уж и безосновательна мысль, что вся жизнь че-

²⁸ Коркунов Н.М. Указ и закон. СПб., 1894. С.181.

²⁹ Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Выпуск 1. С.223.

³⁰ Гогоцкий С.С. Философский лексикон. В 4 т. Т.1. Киев, 1857. С.542.

ловека может быть разложена на отрезки, состоящие из волевых актов³¹.

Казалось бы, из этого определения следует, что воля должна носить не только субъектный характер (принадлежать конкретному лицу), но и объектный, т. е. направляться для достижения конкретной цели. В этом и заключается *волевой характер* власти. Однако на самом деле воля может быть и «нелепой», не иметь ясного практического смысла, вообще действовать без представления того, *что* нужно совершить³². Но что это за власть, не знающая, *к чему* принуждать человека?!

Далее нас ждет еще одна неожиданность: аксиоматичным считается утверждение, будто государственная власть – не просто воля, но и *воля единая*, господствующая над всеми в государстве. Однако это утверждение логически также несостоятельно, поскольку если два человека не могут иметь одной, единой воли, то что тогда говорить об обществе, состоящем из множества индивидов?!³³.

Действительно, если признавать волю принадлежностью *личности*, то нельзя сказать, что политическая власть есть воля государства, которое, конечно же, личностью не явля-

³¹ Лосский Н.О. Ценность и бытие. Бог и Царство Божие как основа ценностей//Лосский Н.О. Бог и мировое зло. М., 1994. С.310.

³² Петражицкий Л.И. Введение в изучение права и нравственности, основы эмоциональной психологии (1908 г.) // Петражицкий Л.И. Теория и политика права. Избранные труды. СПб., 2010. С.497.

³³ Ивановский В.В. Учебник государственного права. Казань, 1909. С.74.

ется³⁴. Более того, государство являет не одно, а *бесчисленные* отношения властвования: сколько подвластных, столько и отношений властвования³⁵. О каком единстве воли может идти в этом случае речь?!

Убийственные для теории «общей воли» контрдоводы приводил и другой корифей нашей отечественной правовой науки Л.И. Петражицкий (1867–1931): «Представители теории «общей воли», конечно, знают и не отрицают, что, например, большинство действующих в любом государстве законов не только не представляет продукта воли всех граждан, но даже большинству граждан вообще неизвестны и не были никогда известны, так что никакой определенной воли соответственно правил поведения граждане не имеют и не имели; что в действительности в законодательстве решающее значение имеет *воля одного лица* (например, абсолютного монарха) или нескольких, немногих лиц из народа»³⁶.

Если же от метафизики перейти в области эмпирики, то без труда выяснится, что подлинная история конкретных государств демонстрирует картину непрерывной борьбы *многих волей* меж собой. И эта «многовольность» не только не характеризует негативно данное общество, но, напротив, является признаком *здорового* социального тела. Ведь такая борь-

³⁴ Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Выпуск 1. С.222.

³⁵ Еллинек Георг. Общее учение о государстве. С.121.

³⁶ Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Т.1. С.286.

ба ведется для того, чтобы определить общие интересы, цели и приоритеты деятельности политической власти³⁷.

В этой броуновской борьбе сотен тысяч и миллионов индивидуальных волей размывается не только якобы единая государственная воля (если даже она и возникла ранее), но неожиданно может исчезнуть и сам *субъект воли*, как реальное лицо. Ведь властвовать может не только живой человек или группа лиц, но и умершие, *воображаемые существа* и вообще отвлеченные идеи³⁸. И для человека, подчиняющегося власти другого, «в сущности, одинаковое значение имеет и действительная воля властвующего, и только *воображаемая*. Она вызывает такое же *подчинение*»³⁹.

Более того, как свидетельствуют страницы истории, могут властвовать и лица, никакой властью вообще не наделенные. Такие, например, как преподобный Сергей Радонежский (память 25 сентября), который во имя становления Московского государства, закрывал храмы в городах, препятствующих процессу собирания русского народа в единое политическое тело⁴⁰.

Согласимся, признавать источником политической власти воображаемое существо или идею невозможно. Хотя бы по-

³⁷ Коркунов Н.М. Указ и закон. С.130.

³⁸ Котляревский С.А. Власть и право. Проблемы правового государства. С.11.

³⁹ Коркунов Н.М. Указ и закон. С.179.

⁴⁰ Житие и подвиги преподобного и богоносного отца нашего Сергия, игумена Радонежского и всея России чудотворца. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1904. С.187.

тому, что они сами по себе принуждать *физически* не могут, силой и волей не обладает. А без принуждения нет и подчинения. Как следствие, предлагаемая нам конструкция незаметно рассыпается...

Вслед за этим трещинами сомнений покрывается и такое, казалось бы, бесспорное утверждение, будто власть есть не только воля, но и *сила*. Ведь если мы говорим о природе власти *вообще*, как о феномене, то не можем не признать правоту того мнения, что не всякая воля властвует. Поэтому власть не тождественна с волей, а есть «нечто *внешнее* для нее, служащее ей *объектом*. Властвование не предполагает необходимо наличие воли»⁴¹.

Кажется удивительным, но на практике подчинение действительно нередко и повсеместно происходит вообще *без воли* и желания *властвующего*. Например, можно без труда вспомнить массу примеров того, что один человек властвует над другими или даже группой людей в силу обаяния святости, гениальности ума, художественного дара, красоты. При чем это властвование нередко происходит довольно часто помимо его собственного желания. В таких случаях «подчиняющийся чужой власти *сам идет навстречу*, заискивает, угождает, предугадывает и предупреждает желания. Все, от чего человек сознает себя зависимым, властвует над ним»⁴².

⁴¹ Коркунов Н.М. Указ и закон. С.178, 179.

⁴² Коркунов Н.М. Русское государственное право. В 2 т. Т.1. СПб., 1901. С.22, 23, 24.

IV

Выходит, что властные отношения характеризуются не односторонним принуждением, сопряженным с потенциальным или реальным насилием над чужой волей, а с *взаимным стремлением* властвующего и подвластного находиться в этой властной парадигме, налагаемой на них *извне*. В самом деле несложно заметить, что лицо, осуществляющее акт принуждения, не может опираться исключительно на свою силу. Конечно, основываться власть может и на одной только силе (например, в ходе завоевания одним народом других), но возрастая она может исключительно путем *доверия* к ней со стороны подвластных: «Повиновение в огромной степени состоит из веры, долга и доверия»⁴³.

Иначе говоря, политическое властвование предполагает взаимные усилия властвующего лица и подвластных, направленные для достижения некой цели, признаваемой ими справедливой. Таким образом, властвование само по себе есть нечто *вторичное*; очень часто оно создается *сознанием зависимости*. И политическая власть в этом смысле не представляет исключения: она есть также сила, обусловленная общим сознанием и проявляющая себя в *праве*⁴⁴.

⁴³ Жувенель Бертран де. Власть естественная. История ее возрастания. М., 2023. С.52.

⁴⁴ Ильин И.А. Понятие права и силы. С.25.

Исследуя многочисленные исторические примеры, несложно заметить, что подчинение верховной власти, жертва за отечество или близкого человека далеко не всегда обусловлены *корыстными* мотивами, как считают прагматики-позитивисты. Пожалуй, наиболее характерный пример в этом отношении представляют две совершенно несходные между собой группы – монашеская обитель и профессиональное преступное сообщество. Единственное, что роднит их (помимо того, что они состоят из людей) – сознательная *отделенность* от остального общества и наличие *собственного* центра власти, над которым политическая власть зачастую бессильна. При желании, конечно же, она способна физически уничтожить и то, и другое сообщество, но до этого трагичного финала те всегда сохраняют высокую долю автономности каждый в своей сфере.

Разумеется, банда и монастырская обитель – зеркально противоположные явления, как Литургия и «черная месса». Не случайно иеромонах Василий (Росляков) некогда называл тюрьму «монастырем дьявола». Разнятся и их мотивации сознательной изоляции от общества. Монахи принимают Ангельский чин, *умирая* для мира, но несут ему духовный свет Евангельской истины. Преступники же *противопоставляют* себя миру, пребывая в нем и паразитируя за счет обычных граждан, которых откровенно презирают.

Но в интересующем нас контексте их роднит одно обстоятельство: подчинение воле старца со стороны рядового ино-

ка, а всех монахов своему игумену, равно как и преступников их неформальному лидеру, обусловлены обычно не угрозой наказания, которого может и не быть, и не волей их глав в отношении каждого из них, а *стремлением* самих представителей столь несходных между собой групп *подчиняться* им. При этом поддержание порядка в этих сообществах осуществляется не только за счет ежеминутно-активного и спонтанного силового веления их глав тому или иному лицу, но вследствие практического воплощения той совокупности понятий и представлений о монастырском и преступном сообществе соответственно, об образе жизни, поведении, «добре» и «зле», которыми пропитаны каждый по своему столь враждебные по духу друг другу мира, и которые довлеют над каждым его членом.

Здесь *есть* – общество, свое право (каноническое, уставное и воровской «закон»), носитель высшей для данного общества власти, система наказаний и прещений, но *нет* – воли, рожденной главой каждого из сообществ, принуждения, как основы этого закрытого общежития. Да и физическая сила не является безусловным атрибутом местных властей предержащих. Это – хрестоматийный пример *самоподчинения* «своей» власти, ясного осознания человеком себя в иерархии «своего» общества, отказ от каких-либо притязаний в «борьбе за право», которым так грезил блистательный немецкий цивилист Рудольф фон Иеринг (1818–1892), основываясь на пропагандируемом им чувстве «здорового

эгоизма»⁴⁵. Что, конечно же, не препятствует бороться за лидерство (по крайней мере, в преступном сообществе), не ставя вместе с тем под сомнение внутреннюю иерархию, в которой честолюбец пребывает.

Но эта же картина, пусть и в размытом виде (с учетом куда большего масштаба) наблюдается в государствах, где граждане не ограничиваются одним пассивным исполнением велений политической власти, активно и по собственной инициативе поддерживают ее могущество, содействуют ей и вместе с тем признают себя *обязанными повиноваться*. Поэтому, как справедливо замечал некогда блистательный русский юрист Н.К. Ренненкамф (1832–1899), «основание государственной власти заключается не в воле народа, не в той или другой государственной силе, а в безусловной потребности в ней»⁴⁶.

⁴⁵ Иеринг Рудольф фон. Борьба за право. СПб., 1895. С.17, 19, 37

⁴⁶ Ренненкамф Н.К. Юридическая энциклопедия. Киев-СПб., 1907. С.41.

V

Это взаимное стремление всех индивидов жить под эгидой единой власти носит далеко не искусственные черты, а обусловлено вполне конкретными и практическими соображениями. Еще в древности пришли к выводу о том, что иначе никакое мирное общежитие людей попросту становится *невозможным*. Ведь общество, как говорил Аристотель (384–322 до Р.Х.), «заключает в себе неодинаковые элементы, отсюда неизбежный вывод: добродетель всех граждан не может быть одной»⁴⁷. Спустя почти две тысячи лет английский мыслитель Роберт Парсонс (1546–1610) повторил вслед за великим греком: «Социальность человечества, или склонность жить совместно, – от природы, и, следовательно, установлена Богом ради общей пользы»⁴⁸.

Поэтому-то человеческому обществу необходима *единая* власть, устраняющая зло, творящая добро и обеспечивающая справедливость для каждого из своих подданных. Создание же ее возможно исключительно в форме *государства*. Мы привыкли ассоциировать государство с подавлением свободы и насилием, аппаратом бюрократии и зачастую беспомощным государственным управлением, т. е. с *худшими*

⁴⁷ Аристотель. Политика. Книга III, глава 2, 4. 1277а. С.450.

⁴⁸ Долеман Р. (Парсонс Роберт). Рассуждение о наследовании Английского престола. 1594. С. 114.

ми примерами реализации этой спасительной для человека идеи. Тем более полезно взглянуть на этот феномен с другой стороны.

«Что есть государство? Союз свободных нравственных существ, соединяющихся между собой, с пожертвованием частью своей свободы для охранения и утверждения общими силами закона *нравственности*, который составляет необходимость их бытия»⁴⁹.

Или такое определение: «Государство есть разновидность организованного сожительства; а в основе всякого сожительства людей, если оно не унизительно для них и не эфемерно, лежит *духовная однородность* и общность *духовной культуры*»⁵⁰.

Не менее возвышено и следующее суждение: «Государство есть поприще и средство для достижения людьми своих целей. Задача государства состоит в установлении права, в управлении государственным союзом и в содействии, по мере надобности и возможности, общепользным предприятиям отдельных лиц и общественных союзов»⁵¹.

Исторически появление государств вовсе не представляло из себя некий случайный процесс, совокупность разрознен-

⁴⁹ Святитель Филарет (Дроздов), митрополит Московский и Коломенский. Рассуждение о нравственных причинах невероятных успехов наших в настоящей войне. 1813 г.// Святитель Филарет (Дроздов), митрополит Московский и Коломенский. Творения. М., 1994. С.312, 313.

⁵⁰ Ильин И.А. О сущности правосознания. С.269.

⁵¹ Ренненкамф Н.К. Юридическая энциклопедия. С.42, 43.

ных обстоятельств, волей случая пересекшихся в одной точке и породивших высший политический союз. И создается оно не только за счет завоеваний и подчинения одних народов другими. Начиная с античности и вплоть до последнего времени обычно сходились во мнении о *естественном* происхождении государства из семьи, рода, племени, нации, а политической власти – из отеческой власти главы семьи⁵².

Святитель Филарет (Дроздов), память 19 ноября, не безосновательно утверждал, что «*в семействе лежат семена всего, что потом раскрылось и возросло в великом семействе, которое называют государством; в семействе должно искать начатков и первого образца власти и подчинения, раскрывшихся потом в государстве*»⁵³.

Поскольку цель государства – *управление обществом* во имя общего блага, то остальные человеческие союзы (семья, сословия, цеха, различные человеческие объединения по интересу, религиозные организации и т. п.) отнюдь не подлежат упразднению политической властью. Но, напротив, по принципу «матрешки» складываются в государстве, в котором получают надежную защиту и опору, окормляются им. Иного и быть не может, ведь государство есть *политически организованное общество*, а потому каждый человек, равно

⁵² *Жувенель Бертран де*. Власть естественная. История ее возрастания. С.106, 107.

⁵³ *Святитель Филарет (Дроздов)*. Учение о царской власти и об обязанностях верноподданных // Русская идеология. М., 2000. С.200, 201.

как и их совокупность, не в состоянии, будучи в уме и твердой памяти, методически и последовательно уничтожать самих себя.

Несложно понять, что органическое соседство государства с другими человеческими союзами возможно потому, что все виды власти в обществе — *единородны*. В противном случае общество распалось бы на социальные анклавы, атомически сосуществующие друг с другом, но не имеющие возможности, как разнородные явления, соединиться воедино. Даже локальные власти, противопоставляющие себя государству, пребывают в нем, пусть и в виде отвергающих его элементов (преступные группы, к примеру). И на них, даже при их крайнем нежелании, политическая власть распространяет свое действие, в той или иной степени подчиняя их себе.

С учетом сказанного ранее несложно заметить очевидный признак *самоуправления общества* под эгидой единой политической власти. Оно проявляется в самых разных видах и осуществляется различными способами: местное самоуправление, вовлечение народа в принятие законов, плебисциты, референдумы, опросы населения по тем или иным вопросам и многое другое. Более того, гражданин исполняет свой долг подчинения политической власти не только, когда следует ее велениям, но и когда стремится предупредить ошибки или злоупотребления правителей.

Справедливо некогда сказано, что государственная власть

— это *сила*, вытекающая из сознания гражданами их зависимости от государства⁵⁴. Подчиняясь актам политической власти, граждане одновременно с тем оказывают ей нравственную, как минимум, поддержку, одобряют ее шаги. Потому и создаваемое путем совместных усилий государство осознается *общим детищем*, питаемым *народным духом*, который формирует внутренние нравственно-правовые убеждения, на которых основывается стремление подавляющей части граждан принимать верховную власть и ее правовые веления. И наоборот, разумеется. Отчего, как нередко бывает, даже прекрасно написанные законы исполняются скверно и не находят должного отзыва в гражданах? Очевидно, потому что не отвечают потребностям народного духа, общему пониманию справедливости⁵⁵.

Давно уже было подмечено: государство только в абстракции мыслится всемогущим, в действительности политическая власть неотделима от человека, его могущество происходит именно из этого источника⁵⁶, а ее величие обусловлено не столько силой, сколько *авторитетом*⁵⁷. Только за счет этого она может сделать свою волю *мотивом поведения дру-*

⁵⁴ Коркунов Н.М. Указ и закон. С.181, 182.

⁵⁵ Сперанский М.М. О силе общественного мнения// Сперанский М.М. Руководство к познанию законов. СПб., 2002. С.263, 267.

⁵⁶ Франк С.Л. Сила и право // Франк С.Л. Полное собрание сочинений. Т.4. М., 2022. С.504.

⁵⁷ Спекторский Е.В. Христианство и культура. С.279.

гих⁵⁸. И потому во главе государства должны находиться *лучшие люди*, удовлетворяющими нравственному и иным объективным критериям, пользующиеся уважением и авторитетом у всего народа⁵⁹.

Иррациональный характер политической власти, ее непостижимое духовное влияние на индивидов дали даже повод некоторым экстравагантным исследователям полагать, будто она действует своего рода *гипнозом*⁶⁰. Им вполне резонно возражали: «Государство сильно и достойно не тогда, когда власть влачит население к правопорядку против его воли, навязывая народу патриотическую солидарность посредством страха и казней, но тогда, когда в самом народе живет дух государственного патриотизма и политического добровольчества»⁶¹.

А потому господство закона, при помощи которого политическая власть обычно обеспечивает права и интересы граждан, может совпасть с волей законодателя только при *полном согласии* ее с доминирующими в обществе нравственными и юридическими понятиями. В противном случае она не может не испытать сопротивления со стороны подвластных и получить полного, безусловного господства над

⁵⁸ Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Выпуск 1. С.224.

⁵⁹ Ильин И.А. О сущности правосознания. С.298.

⁶⁰ Бердяев Н.А. Царство духа и царство кесаря. С.315.

⁶¹ Ильин И.А. О сущности правосознания. С.287.

ними⁶².

Граждане государства повинуются носителю высшей политической власти потому, что сознают в его требованиях голос и силу высшего авторитета, который витает над ними и который «есть продукт сложения их же собственных настроений»⁶³. Можно сказать, что в известной степени политическая власть в государстве являет собой *сложения* многих частных воль и устремлений. Или, выражаясь иначе, верховная власть и в самом деле представляет собой результат отказа от той гипотетической физической вседозволенности, которую нередко почему-то именуют «свободой».

С течением времени, как учит история, власть в организованном сообществе становится обязательной и в известной степени неустранимой для всех граждан. Но и в последующие годы живое, активное участие в политической жизни возможно широкого круга лиц усиливает государственное самосознание народа и делает это единство более крепким и надежным⁶⁴.

Как видим, благосостояние государства зависит не от наличия законов (те нередко бывают несовершенными или вообще деспотическими), не от силы принуждения (она, как раз, является признаком государственного упадка, обще-

⁶² Коркунов Н.М. Указ и закон. С.169.

⁶³ Франк С.Л. Проблема власти (социально-психологический этюд)//Франк С.Л. Полное собрание сочинений. Т.2. М., 2019. С.267.

⁶⁴ Коркунов Н.М. Указ и закон. С.133, 134.

ственно-политического кризиса), а от того, насколько носители верховной власти *солидарны* со своими гражданами, и *каким* духом эта солидарность питается.

VI

И все же нерешенным остается очень важный вопрос. Как следует из предыдущего изложения, политическая власть ни индивидом, ни обществом, ни государством не создается. Да, все они пребывают в ней, однако власть *приходит* в государство *извне*. Потому, к слову сказать, хоть и принято именовать лиц, возглавляющих государство, «верховой властью», отождествляя конкретного человека, властителя, с «властью», но в действительности было бы правильно говорить о нем, как о *носителе* власти. Власть действует «со стороны» одновременно на волю конкретного человека и всего общества в целом, покрывая их своим невидимым саваном. Как не раз замечалось, власть вообще *предшествует* обществу, она никак не может быть признана выражением или проявлением нации, поскольку сама нация рождается лишь в результате долгого сосуществования отдельных элементов под одной и той же властью. Власть *первородна* по отношению к обществу и государству⁶⁵.

Получается, что государство существует при посредстве политической власти, но ее саму не образует, как источник. Воля государства имеет место быть, но она не имеет характера *единой* воли, далеко не ограничивается волеизъявлениями

⁶⁵ Жувебель Бертран де. Власть естественная. История ее возрастания. С.150, 151.

носителей власти и подвластных, всеми ими руководит неизвестная, но ощутимая *высшая* воля. Политическая власть – это сила, но она вовсе не исчерпывается той совокупностью силовых проявлений, которые исходят от ее носителей. Принуждение со стороны политической власти, подкрепленное силой, существует, но субъектами его воздействия становятся одновременно и подвластные, и сами властители. И, как несложно заметить, это принуждение обусловлено внешними условиями бытия и природными качествами человека. Иными словами, в известной степени *детерминировано*. Где же здесь в этом случае свобода и воля?!

Однако, как правило, политическая власть настолько представляется для человека естественной, «своей», что индивиды с легкостью признают ее производной от собственной воли. Вероятно, в том числе этим соображением обусловлено сегодняшнее повсеместное торжество идеи, будто источником власти в государстве является народ, он же признается ее сувереном.

Возникает очередной парадокс: с одной стороны, в свете сказанного очевидно, что словосочетание «народная воля», утрачивает здравый смысл. С другой, нельзя отрицать тот факт, что государство и политическая власть – это все же и *государственные* (общенародные) воля и сила, а также принуждение, исходящее от лица властителей. «Где слово царя, там власть» (Еккл. 8:4).

Разрешение этого противоречия (или, правильнее ска-

зать, антиномии) следует начать с изучения более общих понятий. Если политическая власть – лишь *один из* видов понятия «власть», то, следовательно, последняя по своей природе вовсе не замыкается в границах человеческого общества, а представляет собой *вселенское* явление. Не только человечество, но весь окружающий нас мир, видимый и невидимый, пребывает в отношениях власти, подчинен *единой* власти. Религиозное сознание охотно признает факт властвования над природой неведомых и невидимых властителей («духи воды, пустыни, земли»), утверждает существование Ангелов, хранителей людей и покровителей народов⁶⁶. А в обыденной речи нередко встречаются выражения типа «власть стихии». Все это свидетельствует о том, что для человеческого сознания естественно аксиоматическое утверждение, что всем миром управляет единая Власть, одним из проявлений которой выступает власть политическая.

В действительности, это наивное, но *общераспространенное* до недавнего времени понимание власти, пусть и лишенное «научного» обоснования, имеет твердую основу в логике. Ведь в противном случае нам следовало бы доказать, что политическая власть либо не принадлежит общему понятию «власти», либо последняя не обладает приписываемым ей свойствами единства, неделимости, воли и силы, которыми обладает *один из* ее видов – политическая власть, что, разу-

⁶⁶ Булгаков Сергей, протоиерей. Лествица Иаковля. Об Ангелах//Булгаков Сергей, протоиерей. Малая трилогия. М., 2008. С.439, 456.

меется, абсурдно: в результате такого допущения появляются *два* понятия власти, имеющие одинаковое наименование, но обладающие разным набором свойств. Что противоречит и опытным наблюдениям.

Животный мир, равно как и человеческий, также знает иерархию, свою социальную, если можно так выразиться, среду, правила и традиции. Ангелы тоже подчинены некой высшей власти, и даже падшие духовные творения, бесы, подвластны ей. Каждая из групп этих существ управляется *своей* властью, как очередным видом общей и единой вселенской власти. Для каждого из указанных сообществ управляемая ими локальная власть становится их *собственной*, единственно возможной, поскольку основывается на *их* природе, особенности которой обусловлены не волей обладателя, а внешней силой, создавшей ее. Иными словами, сказанное позволяет сделать единственный разумный вывод о том, что весь *Космос* управляется *единой* властью Бога.

Этот тезис имеет далеко не единственное обоснование. К примеру, в свойственной схоластике манере доказательства единовластия мира приводил знаменитый Отец Римо-католической церкви Фома Аквинат (1225–1274): «Несколько не могут быть причиной единства или согласия, кроме тех случаев, когда они объединены. Однако и тогда каждый из них по отдельности более склонен быть лучшей причиной единства, чем несколько объединенных вещей. Поэтому многое лучше управляется одним, нежели несколькими. Из всего

этого следует, что управление миром, которое суть наилучшее из управлений, должно быть управлением одним. Нет в многовластии блага, да будет один правитель»⁶⁷.

Власть Творца действует повсеместно и постоянно: ведь Он не только создал Вселенную, но и является *Вседержителем*, Которому подвластно все. «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было вначале у Бога. Все через Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть. В Нем была жизнь» (Ин. 1:1–4).

Тексты стихов Священного Писания очень часто представляют власть в *пассивно-страдательной* форме: она «дана», «отнята», «передана» и т. п., что позволяет верно определить ее источник. «Иисус отвечал: ты не имел бы надо Мною никакой власти, если бы не было дано тебе свыше» (Ин. 19:11). «Смерть уже не имеет над Ним власти» (Рим. 6:9). «Ты дал Ему власть над всякой плотью» (Ин.17:2). «И сказал Ему диавол: дам Тебе власть над сими царствами» (Лк. 4:6). «Мы берем власть над верою вашей» (2 Кор.1:24) и т. д.

Даже в обществах, забывших свое религиозное прошлое, неосознанно сохраняется отношение к власти, как к чему-то *божественному*, неземному, свыше данному людям. «Подчинение государственной власти, по существу означающее не что иное, как необходимую связанность личности

⁶⁷ *Фома Аквинский. Сумма теологии. В 3 частях. Часть 1. Вопрос 103. Раздел 3. Киев, 2005. С.365.*

коллективным настроением и сознанием всех окружающих ее участников общения, ощущается как благоговейная преданность и повиновение неведомому «земному божеству», властвующему над людьми»⁶⁸.

Ученые до сих пор не пришли к единому мнению относительно толкования «Шестиднева». Кто-то говорит о *моментальном* происхождении мира в последовательности, описываемой в Книге Бытия. Другие утверждают, что Бог только создал элементы, «кирпичики», одновременно с тем дав миру неизменный закон планомерного развития, по которому в нем последовательно *стало совершаться* то, что *говорил* о нем Бог. «В необходимых процессах своего механического творчества слепая природа стала постепенно осуществлять то самое, что предвечно заключалось в божественной мысли о мире»⁶⁹.

И по учению Ислама «Бог есть свет неба и земли. Богу принадлежит владычество над небом и землей. Он – та точка, в которой сосредоточено все» (сура 24, ст.35, 42). Он – «всемогущий», «владыка неба и земли» (Ал-малик), «милостивый» (Ар-рахим), «чистейший», «святейший» (Аль-кадус), «создатель всего сущего» (Аль-халик), «творящий правосудие» (Аль-муксит) и т. д.⁷⁰.

Как всесильный, Бог способен и разрушить свое творе-

⁶⁸ Франк С.Л. Проблема власти (социально-психологический этюд). С.282.

⁶⁹ Несмелов В.И. Наука о человеке. В 2 т. Т.2. Казань, 1906. С.215.

⁷⁰ Цветков П.П. Исламизм. В 2 т. Т.1. М., 2011. С.419, 440, 441, 447.

ние в мгновение ока, создав новые небо и землю. Законы природы, конечно, неизменны, но если Господь пожелает, то вопреки им засыхает мгновенно неплодная смоковница (Мф.21:19), Солнце останавливается над Гаваоном, а Луна – над долиной Аналонской (Нав.10:13).

В любом случае бесспорно то, что закон развития присущ всем творениям Бога, включая духовный мир. И жизнь бесплотных духов также подчинена *своему* закону, в силу которого свободное творчество существует у них в виде разнообразных духовных служений и приводит к различным ступеням духовного совершенства. В отличие от человеческого общества, власть здесь возникает не в силу волевого принуждения, а *исключительно* ввиду нравственного превосходства одних над другими, «как некий неизбежный результат неодинакового развития духов»⁷¹.

Именно Господь даровал человеку такие формы, как семья, нация, государство и политическая власть, которые возникают из *природного неравенства* людей между собой и естественной *иерархичности* человеческого общества. С совокупная взаимосвязь эти явлений и формирует *социальную власть*, как феномен, начиная с отцовской и заканчивая политической. Все они столь естественны для нас, что принятие и подчинение им выглядит вполне очевидным поступком. Если малолетний ребенок, к примеру, не желает подчиняться отцу, сама жизнь немедленно расставляет все по

⁷¹ Несмелов В.И. Наука о человеке. Т.2. С.220, 221.

своим местам. Потому, к слову сказать, иерархичность общества является необходимой основой для принятия власти, а упразднение ее, *социальная стерилизация* общества, готовит почву для самого крайнего анархизма.

Великий русский философ С.Л. Франк (1877–1950) некогда с удивлением вопрошал: *почему* супруги, например, не состоящие между собой ни в каких общественных отношениях, не прибегающие к насилию (примем это допущение), выстраиваются в такую конфигурацию, где один человек (муж) заставляет исполнять свои желания, а другой (женщина), послушно их исполняет?⁷² Очевидно, от того, что существует непреложное Божье обетование, согласно которому жена *должна* повиноваться мужу, как Господу, т. е. *абсолютно*. Потому что муж есть глава жены. Но и муж должен любить свою жену. «Так должны мужья любить своих жен, как свои тела: любящий свою жену любит самого себя», т. е. тоже *абсолютно* (Еф. 5:22–28). Основания для действий у обоих супругов разные, но совокупно они порождают спасительную *любовь*, которую ограждает власть мужа в семье.

⁷² Франк С.Л. Проблема власти (социально-психологический этюд). С.260.

VII

Господь справедливо ассоциируется с властью, Он – Пантократор («Бог Всемогущий»), Он же является источником *всякой* власти, а Его воля *абсолютно* управляет миром. Как учит Священное Писание, Христос есть «глава всякого начальства и власти» (Кол.2:10). Причем настолько, что даже волос не упадет с головы человека без разрешения Господа (1 Цар.14:45). И маленькая птица не упадет на землю, если не будет на то изъявления Божьего (Мф. 10: 29–31).

Как видим, политическая власть имеет единый источник – Бога и потому по своей природе едина, неделима и абсолютна. А наблюдаемое нами ежечасно различие видов *социальной власти*, как они исторически появляются и проявляются в обществе, носит «человеческий» характер, они – следствие нашей природы. Структурирование власти по формам общежития (семья, род, нация, государство, предприятие, цеховая организация и т. п.) необходимо для реализации каждым человеком заложенного в нем дара спасения и духовного развития и закладывает основу справедливого человеческого общежития. Насколько это, конечно, возможно на земле с учетом нашего падшего естества.

Помимо власти Господь дал человеку *закон социального развития*: ведь для спасения ему недостаточно очистить от греха, нужно еще изменить внешние условия жизни. Значе-

ние их огромно: нередко они не только не содействуют ему в достижении спасения, но и прямо противоположны этому⁷³. Лишь исключительно сильные личности способны иногда подняться *над* социальной средой и спастись *вопреки* внешним условиям. Однако такие прецеденты никак не могут быть масштабированы на все человечество в целом.

Господь никогда не оставляет человека, действуя незаметно для нас, дабы не смущать нашей свободы, но от того Божьи суды не становятся менее непреложными. Божья опека вовсе не отрицает свободы человека, которой Спаситель дает реализоваться максимально полно. И старая расхожая фраза: «Бог помогает тому батальону, который лучше стреляет» при всей своей бесхитростности вовсе не лишена онтологического основания и смысла.

Да, человек – свободное и самостоятельное существо, но лишь нахождение *рядом* с Богом и *в* Боге, обожение, формирует личность каждого из нас. Разумеется, человек осознает свою свободу, однако само по себе это сознание не делает его свободным владыкой жизни. Осуществить себя *самостоятельно* в природном содержании своей же собственной личности никто на самом деле не в состоянии⁷⁴.

В этом *формальном* противостоянии свободы человека и власти Бога нет никакого противоречия. Мы говорим о Боге, что Он – Любовь, но в Нем же мы видим *источник* вся-

⁷³ Несмелов В.И. Наука о человеке. Т.2. С.339.

⁷⁴ Несмелов В.И. Наука о человеке. В 2 т. Т.1. Казань, 1898. С.225.

кой любви. Чтобы человек устремился к вечности, Бог сошел на землю и указал нам путь спасения ценой собственной смерти. Если человек не обожится, он просто не будет человеком⁷⁵. Но и у человека никто не отзывал свободной воли, благодаря которой он выступает в этом мире как творец и созидатель. В конечном счете от нас зависит, *каким* содержанием наполнить те дары, которыми Творец наделил нас. Талант способен не только спасать, но и погублять.

Может ли Господь поступить иначе? Наверное, но тем самым Он отнял бы у Своего любимого творения свободу, а тогда в чем же была бы Его любовь и наш подвиг *свободного* выбора добра? Однако, предоставляя человеку внутреннюю свободу, допускающую и проявление зла, Бог полагает «некоторую внешнюю границу проявления этого зла, и Сам проявляется как Сила и Закон»⁷⁶. Очевидно, без Его вмешательства социальный мир погрузился бы в хаос, а человеческая жизнь превратилась бы в ад, где правят сильнейшие и наглейшие, где вообще нет места добру и справедливости. Какая уж тут свобода...

После сказанного как не согласиться с тем, что «власть – Божественное установление для отражения зла и содействия добру; в широком смысле слова есть возможность оказать воздействие на что-то и на кого-то; есть господство над

⁷⁵ Франк С.Л. Предмет знания//Франк С.Л. Сочинения. М., 1990. С.493.

⁷⁶ Соловьев В.С. История и будущее теократии// Соловьев В.С. Собрание сочинений. В 12 т. Т.4. Брюссель, 1966. С.427.

другими»?! А ее высшее предназначение заключается в *служении* власть имущих подвластным им⁷⁷. «Большой между вами да будет как младший, и начальствующий, как служащий» (Лк. 22:26).

То, что власть – божественное установление, безусловно для религиозного сознания. «Мной цари царствуют» (Притч.8:15). Не философская хула, а *гимн власти*, уважение к ней звучат со страниц священных книг. Для мира Ислама, например, власть – это светоч, «от которого зажжется много света, а люди благодаря этому свету найдут дорогу и выйдут из тьмы»⁷⁸. Вместе с тем пророк неоднократно зывал к своим единоверцам: «Ваши слуги – ваши братья, которых Бог поставил в вашу власть. Всякий, кто является господином своего брата, должен давать ему есть, что он ест сам, и одевать его так же, как одевается сам. Не заставляйте ваших слуг делать то, что свыше их сил, и, если это случится, помогите им»⁷⁹.

Еще более содержательные образы открывает нам Библия. «Подчиняйтесь ради Господа всякому человеческому установлению: царю ли, как верховной власти, правителям ли, как от Него посылаемым для наказания делающим злое и для похвалы делающим доброе. Всех почитайте, братство любите»

⁷⁷ Литвинова Л.В. Власть // Православная энциклопедия. Т. IX. М., 2005. С.109.

⁷⁸ Низам аль-Мульк. Сиятэ-Намэ. Книга о правлении. Глава 1. М., 2023. С.13.

⁷⁹ Цветков П.П. Исламизм. Т.1. С.459.

те, Бога бойтесь, царя почитайте. Слуги, подчиняйтесь со всяким страхом господам не только добрым и снисходительным, но и суровым» (1 Петр. 2:13–18).

«Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены. Посему противящийся власти противится Божию установлению. А противящиеся сами навлекут на себя осуждение. Ибо начальствующие страшны не для добрых дел, но для злых. Хочешь ли не бояться власти? Делай добро, и получишь похвалу от нее, ибо начальник есть Божий слуга, и потому надо повиноваться не только из страха наказания, но и по совести» (Рим. 13: 1–5).

И совсем не случайно постоянным атрибутом власти Священное Писание видит *нравственность*: «Ненавидящий правду может ли владычествовать?» (Иов.34:17). «Владычествующий над людьми будет праведен, владычествуя в страхе Божиим» (2 Цар.23:3).

VIII

Человек в отдельности, всякое общество и государство всегда *несовершенны*, как поверженные греху и его влиянию. Очевидно также, что степень праведности или моральной деградации напрямую зависят от того, насколько они *теократичны*. Поскольку цель жизни человека – обожиться и пребывать рядом с Творцом, сама социальная жизнь, в которой человек пребывает, во многом копируют небесные установления. В этой связи форма правления, *политический строй* государства, структура и система власти, политический режим имеют далеко не второстепенное значение для достижения цели спасения человека. Они либо *предрасполагают* каждого человека и носителей власти к греху, закрепляя зло, либо предлагают им высшие устремления.

Тем самым подготавливается ответ на невольно возникающий и вполне ожидаемый вопрос: *откуда* в этом случае берется «*неправедная*» власть? Необходимо сразу же отметить, что это привычное на слух сочетание некорректно по своей сути, поскольку власть, как свойство Бога, как сила, исходящая от Него, таковым негативным качеством не обладает. Неправедным может быть лишь *сам человек*, эту власть получивший и изолгавший Божье творение, презревший Божьи дары. Но Господь Вседержитель попускает существование и такого пользования дарованной Им человеку властью.

Почему? Очевидно по той причине, что принятие человеком Божьей власти допускает и ее зримое, сознательное и волевое *отвержение*. Точно также, как возможна сознательная подмена человеком богоданных и благодатных отношений и форм общежития эрзацем в виде, например, преступных сообществ, «однополых семей», гомосексуальных отношений, зоофилией и т. п.

Неправедное использование властителем свойств власти всегда имеет в основе своей *грех*, удовлетворение собственных желаний, какими бы благородными мотивами они внешне ни прикрывались, ввергает преступника и управляемое им общество в противоречие с Божьей властью и волей, ломает его, искажает в человеке прирожденное достоинство, затемняет в нем образ Божий.

Политическая власть, писал некогда И.А. Ильин, должна служить родине, содействовать национальному духовному расцвету. «Политическое властвование возлагает на человека величайшую ответственность: властвующий по самому призванию своему есть законодатель *естественной правоты*; поэтому он должен быть способен к *предметному постижению* Духа и Права, должен обладать развитым и углубленным правосознанием»⁸⁰. Иначе говоря, властитель должен «*бегать греха*».

Носители верховной власти обязаны укреплять ценности, вызывающие доверие общества и побуждающие их стано-

⁸⁰ Ильин И.А. О сущности правосознания. С.281.

виться на службу общему благу и своим согражданам. И, как справедливо замечено, это участие и сослужение друг другу начинается с образования и культуры: «Будущее человечества находится в руках тех, кто способен передать будущим поколениям смысл жизни»⁸¹.

Напротив, сознательное «отдаление» Бога от политической власти, утверждение, что она, равно как и государство – дело рук человеческих или слепых природных сил, полагание, что власть дана (завоевана, приобретена, получена преступным путем или посредством интриг) ее носителю для собственных нужд, неизбежно приводит к тому, что «такая» власть уже не рассматривает государство, как союз братьев и сестер в Боге. Для властителей более не существует страха Божьего, абсолютной нравственности, собственное «я» становится для них высшим авторитетом и регулятором поступков. Как следствие, такие носители верховной власти, *такая* политическая элита общества, воспринимает государство как *свою собственность*. Сама же политическая власть вырождается в *преступную тиранию*⁸².

Конечно же, народное участие в управлении государством становится для них не только ненужным, но и опасным. Поскольку народное понимание справедливости и ее понимание у носителей верховной власти все более и более противостоят друг другу, элита прибегает (фактически *вынужден-*

⁸¹ «Катехизис Католической церкви». Глава 2, статья 2, 1917. М., 2007. С.452.

⁸² Хёффнер Йозеф. Христианское социальное учение. М., 2004. С.272.

но) к грубой силе и принуждению, источником которых, как раз, становятся уже они сами. Это – непосредственное детище падшей *человеческой* природы, политическая власть из божественной становится все более и более мирской, «человеческой». И все ее достоинство, как нередко уверяют, состоят лишь в том, что без нее, в условиях анархии будет *еще хуже*. Но всему положены свои пределы, которые переходить невозможно без риска необратимых последствий.

Негласно (а иногда и открыто) переводя все общество в разряд рабов, «неправедная» власть более не чувствует необходимости в нравственном и политическом воспитании граждан. Напротив, чем они менее образованы, тем легче ими управлять. И, как не раз отмечалось, «самый грубый практический способ устранения человека от деятельного участия в делах страны, к которому всего охотнее прибегают теоретики тишины («дисциплина творит тишину, тишина обеспечивает дисциплину») заключается в насильственном обречении массы в жертву невежественности и обеднения»⁸³.

Все это чрезвычайно болезненно отражается на социальном строе, духовном самочувствии нации и конкретном человеке. Ведь «выпадая» из общей и единой власти Господа, властитель невольно переводит себя в разряд *отступника*, отверженного, утаскивая за собой в геенну огненную всех,

⁸³ Салтыков-Щедрин М.Е. Язвы русской жизни. Записки бывшего губернатора. М., 2021. С.65.

кто с ним связан отношениями власти, кого он духовно (как минимум) убил или развратил.

Собственно говоря, этим и раскрываются все отличия власти «праведной» от «неправедной», а «народной» от деспотичной. Беда для власть предержащих, однако, заключается в том, что развращенный их управлением народ охотно принимает тот же алгоритм мышления, что и у его господ. И, следовательно, утрачивает естественное желание жить для других, служить Божьей правде, жертвовать собой ради «кого-то» и «чего-то». Искривляется человеческое сознание, формы жизни, осознание добра и зла: что вчера казалось мерзким, сегодня возносится на пьедестал, как высшее проявление свободы и личности человека. Чем дальше, тем больше общество и политическая власть впадают в коллапс разврата, и всякое общежитие, не говоря уже об «общем благе», «справедливости» и т. п., становятся невозможными. Государство *разрушается*, а носители политической власти утрачивают ее...

Следует заметить, что подверженной греху, а потому «неправедной», бывает не только политическая власть. Таковой может стать и деспотическая власть отца семейства, разрушающая этот союз, начальника над подчиненным, которого «барский гнев» превращает в бесправного раба, священноначалия в Церкви, ввергающая общество верующих в пучину мирских страстей и «преображающая» Тело Христова в некое подобие деспотического государства.

Как властвование требует от носителя власти *жертвенности* во имя общего блага, вверения себя в волю Божию, так и подчинение власти со стороны гражданина невозможно без отречения от некоторых личных интересов. В противном случае все тот же греховный помысел, презрение страха Божьего, но в другом субъектном исполнении, примат собственного «я» над потребностями общества, разрушают политическое тело с тем же успехом, что и «неправедная» власть политической элиты.

Невозможно ожидать от носителей политической власти, людей, пусть даже благословенных на свое высокое служение, ежеминутного идеального поведения и Ангельского терпения. В том-то и заключается один из подвигов гражданского повиновения, чтобы, терпеливо снося недостатки других лиц, в первую очередь, облаченных властью, думать об общем благе всего общество, а не о личных обидах. «Когда молитвы народа – во благо государя, когда государство – крепко, тому царю благоприятствует счастье и судьба», гласит древняя арабская мудрость⁸⁴. В этой связи актуальность сохраняют следующие строки великого К.Н. Леонтьева (1831–1891): «Надо нам самим иметь в себе немного более мистицизма, более страха Божия, более охоты повиноваться, даже уряднику»⁸⁵.

⁸⁴ Низам аль-Мульк. Сиятэ-Намэ. Книга о правлении. Глава 2. С.14.

⁸⁵ Леонтьев К.Н. Письмо А.А. Кирееву 14 августа 1889 г. Оптина пустынь//Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений. В 12 т. Т.12. Книга 2. СПб.,

В одном из своих известных творений выдающийся богослов кардинал Николай Кузанский (1401–1464) писал: «Так как все потомки Адама рождены на свет матерью «от хотения мужа», и никто не чист той чистотой, которая угодна Богу, – то мы рождаемся чадами гнева с духом вожделения плоти, который чужд небесному царству нашего Бога, и благодаря склонности ко злу, присущей нам с самого детства, мы понимаем, что нами руководит не благой Дух Божий, и понимаем это посредством дара, полученного нами от Бога, ибо Он создал человека, испытывающего ужас при виде зла»⁸⁶. Сегодня осознание своей греховности все более уходит от человека, он уже не испытывает ужаса от зла, которое сам и совершает.

Но поскольку не носитель политической власти, а Господь управляет миром, то и эти греховные разрушительные поступки по неведомому Промыслу Божьему идут на благо остальным людям: каждому по-своему и в свое время, ведь Спаситель любит всех Своих детей и желает нам вечной жизни. Отсюда не только Его невероятная любовь к каждому из нас, но и *индивидуальный путь спасения* для всякого человека. В конце концов, грех остается с тем, кто его сотворил.

По учению Ислама, на Страшном суде те, кто имел власть над народом, будет находиться со связанными руками на

2020. С.312.

⁸⁶ *Николай из Кузы*. О просеивании Алькорана. В 3 книгах. Книга 2. Глава 17. СПб., 2021. С.87, 88.

шее; если он был справедлив, то правосудие развяжет ему руки и он отправится в рай; остальных со связанными руками бросят в ад. Это касается *всех*, кто имел хоть малую власть, даже пастуха над овцами; с них спросится, как они ею пользовались⁸⁷. И горе будет тому, «кто соблазнит одного из малых сих» (Мф.18:6) ...

⁸⁷ Низам аль-Мульк. Сиатэ-Намэ. Книга о правлении. Глава 2. С.14.